

О. М. Шульгина

Музей антропологии и этнографии
им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-5449-0258
E-mail: shulgina@kunstkamera.ru

Новая жизнь Советской Чукотки в гравированных моржовых клыках (из собрания предметов чукотско-эскимосского косторезного искусства МАЭ РАН)*

АННОТАЦИЯ. Кроме высокой художественной ценности, коллекция гравированных клыков, выполненных в первые послевоенные годы, представляет особый исследовательский интерес с этнографической точки зрения. Это обусловлено тем, что в гравированных изображениях до мельчайших подробностей представлены окружающая среда и фольклор, повседневная жизнь и праздники, значимые исторические события и явления недавнего прошлого Чукотского национального округа первой половины XX в. В статье выделен круг тем и рассмотрены основные сюжеты, запечатленные чукотскими мастерами на цельных моржовых клыках (морской зверобойный промысел, оленеводство, охота на птиц и пушного зверя, торговля и обмен, коллективизация, праздники, индустриализация Чукотки). Эти артефакты хранятся в фондах МАЭ РАН, сегодня они позволяют представить реалии жизни и быта коренного населения Чукотского полуострова первой половины XX в. Автор обращает внимание, что особенно ярко высвечиваются изменения, произошедшие в материальной и духовной жизни чукчей и эскимосов, благодаря параллельному разворачиванию сцен, повествующих о старой, традиционной жизни на Крайнем Севере и новых элементах, привнесенных с советизацией Чукотки. В статье предпринята попытка с опорой на исторические данные и документы проанализировать адекватность представленной картины жизни чукчей и эскимосов первой половины XX в., а также выдвинута гипотеза о причинах несоответствия реальной жизни и художественного ее представления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:
коллекции МАЭ РАН, визуальная этнография, Чукотка, советская модернизация, чукотско-эскимосское косторезное искусство, искусство народов Крайнего Севера

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Шульгина О. М. Новая жизнь Советской Чукотки в гравированных моржовых клыках (из собрания предметов чукотско-эскимосского косторезного искусства МАЭ РАН). *Этнография*. 2024. 2 (24): 138–161. doi 10.31250/2618-8600-2024-2(24)-138-161

* Статья подготовлена в рамках работы по проекту РНФ № 23-18-00637 «Меняющаяся материальность Арктики и Сибири: технологии, инновации, инфраструктура» (рук. В. Н. Давыдов).

O. Shulgina

Peter the Great Museum of Anthropology and
Ethnography of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-5449-0258
E-mail: shulgina@kunstkamera.ru

New Life of Soviet Chukotka in Engraved Walrus Tusks: From the Collection of Chukotka and Asiatic Eskimo (Yupik) Collections at MAE RAS

ABSTRACT. Apart from its high artistic value, the collection of engraved tusks made in the first postwar years is of particular research interest from the ethnographic point of view. The engraved images represent the environment and folklore, everyday life and holidays, significant historical events, and events of the recent past of the Chukotka Autonomous Okrug of that time to the smallest detail. The article identifies a range of themes and main subjects depicted by Chukchi artisans on whole walrus tusks, such as sea-farming, reindeer herding, hunting birds and fur-bearing animals, trade and exchange, collectivization, holidays, and industrialization of Chukotka. Held in the collections of the MAE RAS, these artifacts make it possible to imagine the everyday life of the indigenous population of the Chukchi Peninsula in the first half of the twentieth century. The author draws attention to the parallel unfolding of scenes about the old, traditional life in the Far North and the new elements introduced with the Sovietization of Chukotka. Due to this technique, the changes in the material and spiritual life of the Chukchi and Eskimos show especially vividly. Based on historical facts and archival papers, the article attempts to analyze how accurate the presented image of Chukchi and Eskimo life in the first half of the twentieth century was and to discuss the possible reasons for the discrepancies between real life and its artistic representation.

KEY WORDS: collections of the MAE RAS, visual ethnography, Chukotka, Soviet modernization, Chukchi and Asiatic Eskimo (Yupik) engraved walrus ivory tusks, art of the peoples of the Far North

FOR CITATION: Shulgina O. New Life of Soviet Chukotka in Engraved Walrus Tusks: From the Collection of Chukotka and Asiatic Eskimo (Yupik) Collections at MAE RAS. *Etnografya*. 2024. 2 (24): 138–161. (In Russian). doi 10.31250/2618-8600-2024-2(24)-138-161

Во всяком художественном творчестве форма и содержание связаны чрезвычайно тесно. Эта связь отчетливо прослеживается и в чукотско-эскимосском косторезном искусстве. Разглядывая цельные моржовые гравированные клыки, легко убедиться, что в этом виде искусства коренных народов Крайнего Севера содержательный аспект изображений не менее значим, чем их формальная выразительность. Чтобы сохранить единство этих существенных характеристик чукотско-эскимосского косторезного искусства, предметы из собрания МАЭ РАН будут рассмотрены как оригинальный историко-этнографический источник. В результате будут сделаны выводы относительно релевантности изображенного панораме жизни и быта Чукотки начала и середины XX в., представленной художественным языком.

В отличие от собраний Музея Арктики и Антарктики, Российского этнографического музея, Магаданского краеведческого музея или, например, Государственного историко-художественного Сергиево-Посадского историко-художественного музея-заповедника, коллекция косторезных изделий из моржового клыка поступила в МАЭ одновременно, имеет конкретную датировку и точное происхождение, более того, известны мастера, изготовившие большую часть предметов из собрания Кунсткамеры. Коллекция художественных изделий из моржового клыка была приобретена у Главсахалинсеверторга в 1951 г. и включает 354 предмета, в том числе 45 гравированных клыков и 6 клыков, выполненных в технике плоскорельефной резьбы. Собирателем коллекции МАЭ РАН был Владилен Вячеславович Леонтьев, а зарегистрировала и описала предметы Валентина Васильевна Антропова (Антропова 1953). Отмечу, что В. В. Леонтьев, который и сам прекрасно владел навыками косторезного искусства, был первым директором Уэленской косторезной мастерской, однако не первым специалистом, который работал с народными мастерами. Так, в 1933–1935 гг. художественным руководителем художественных мастерских в Уэлене, Наукане, Дежневе, Чаплино и Сирениках был профессиональный художник, график и искусствовед А. Л. Горбунков, разработавший методику работы и иконографические типы для косторезных изделий, которые изготавливали коренные жители.

Несмотря на то что в этой статье будут рассматриваться только цельные моржовые клыки, необходимо отметить, что коллекция клыками не исчерпывается: здесь имеются туалетные и письменные приборы, курительные трубки и мундштуки, ножи, стаканчики, гребни и пудреницы, шпильки, броши и другие утилитарные предметы, представляющие художественную ценность. Безусловно, эти художественные изделия заслуживают рассмотрения в отдельной научной работе. Кроме того, необходимо обозначить, что будут рассмотрены только изделия, повествующие о жизни чукчей и эскимосов, гравировки с иными сюжетами не являются предметом настоящей работы.

Гравированные изображения выполнены в реалистическом духе, что позволяет рассматривать предметы косторезного искусства чукчей и эскимосов как визуальный этнографический источник. Обратимся к анализу магистральных тем гравировок на моржовых клыках, выполненных в первые послевоенные годы.

Прежде всего речь пойдет о промыслах. Главным занятием береговых чукчей и эскимосов был морской зверобойный промысел, поэтому совершенно естественно, что на большей части гравированных предметов из коллекции МАЭ РАН имеются сцены охоты на морского зверя. При этом необходимо принимать во внимание, что советская модернизация начала 1920-х гг. неизбежно повлекла изменения в традиционном укладе жизни народов Крайнего Севера. Так, со второй половины 1920-х на Чукотке началось образование кооперативов, при которых создавались производственные бригады — «промгруппы», занимающиеся промыслом морского зверя, обработкой моржовой кости; женские пошивочные бригады (АМАЭ РАН. Ф. К-II. Оп. 1. Д. 265. Л. 45). Количество кооперативов увеличивалось достаточно быстро: первый туземный кооператив был организован в Беринговом проливе в селении Наукан по инициативе комсомольского учителя Тарасова (АМАЭ РАН. Ф. К-II. Оп. 1. Д. 265. Л. 44), а к 1928 г. на территории Чукотского полуострова уже насчитывалось девять кооперативов, объединивших 1247 береговых хозяйств и пять сезонных производственных групп (АМАЭ РАН. Ф. К-II. Оп. 1. Д. 265. Л. 48). В кооперативах сезонные бригады по промыслу морского зверя объединялись вокруг вельботов, которые были завезены на Чукотку по распоряжению Комитета Севера. В сущности, промгруппы не были для коренных жителей Крайнего Севера принципиально новым явлением, напротив — в основу модели образования бригад закладывалась существующая традиция коллективной охоты. Новые советские объединения формально напоминали привычную для чукчей и эскимосов байдарную артель, которая состояла из братьев и родственников (Тропою Богораза... 2008: 148). Однако вельботы являлись уже не личной собственностью охотников, а имуществом кооперативов, что наряду с совместным использованием новых технических средств промысла определяло социалистический характер объединений советского времени (АМАЭ РАН. Ф. К-II. Оп. 1. Д. 265. Л. 46). Несколько изменилась и организация труда зверобоев в колхозных бригадах. Теперь состав бригад утверждался правлением или общим собранием колхоза, а во время промыслового сезона никто не мог самовольно переходить из одной бригады в другую. На моторном вельботе команда охотников состояла из шести-семи человек: бригадира, двух стрелков, двух-трех матросов, один из которых выполнял обязанности рулевого. На безмоторном вельботе количество членов экипажа могло доходить до десяти человек за счет гребцов (АМАЭ РАН. Ф. К-II. Оп. 1. Д. 265. Л. 119). Добытого зверя бригады сдавали в фактории, а для

каждого члена бригады колхоз устанавливал дифференцированную оплату труда, которая рассчитывалась в долях полученного продукта (у бригадира — две доли, у стрелка — полторы, у матроса — одна). Жир и шкуры добытого морзверя обычно делились поровну между всеми членами бригады (АМАЭ РАН. Ф. К-II. Оп. 1. Д. 265. Л. 120), что в принципе совершенно не противоречило традиционному разделу добычи после морской охоты у чукчей и эскимосов.

Гравировки на моржовых клыках наглядно демонстрируют, а архивные документы подтверждают, что техническое оснащение зверобойных колхозов Чукотки в 1940-е гг. представляло собой своеобразное сочетание современной техники (моторов, огнестрельного оружия, биноклей и прочих железных приспособлений) с очень древними исконными орудиями охоты коренного населения Чукотки (например, байдары, гарпуны, пых-пыхи и др.). Наряду с традиционными древними способами охоты на моржа с помощью гарпуна будь то на суше на береговых лежбищах, на плавучих льдах или на воде, на гравированных клыках также представлены и более современные способы добычи морского зверя: охотники подплывают на моторных байдарках к месту, где собираются моржи и стреляют в них из ружей¹. Нередко оба способа добычи морского зверя разворачиваются параллельно. Такой художественный прием давал возможность мастерам подчеркнуть преимущества огнестрельного оружия с точки зрения морского охотника (см. рис. 1).

Фактически на гравировках из собрания МАЭ РАН изображены и главные единицы промыслового флота Чукотки в 1940-е гг.²: вельботы — легкие деревянные килевые беспалубные лодки, которые могли ходить как под парусом, так и на веслах, и байдары — замечательное достижение материальной культуры народов Севера и проверенное временем средство передвижения, совершенно незаменимое при плавании среди льдов. На некоторых гравировках мастерами была точно подмечена любопытная деталь: в 1940-е гг. во многих колхозах на байдары большой грузоподъемности устанавливали моторы (см. рис. 1).

Встречаются на гравировках и изображения шхун, которые действительно использовались в чукотских колхозах³. В сущности, шхун на Чукотке было всего две, и попали они туда из Америки еще до прихода Советов (АМАЭ РАН. Ф. К-II. Оп. 1. Д. 265. Л. 103). Первая шхуна, «Чукотка», была отремонтирована в 1931 г. в Уназике (Старое Чаплино) и закреплена за колхозом. Вторая шхуна, «Октябрина», была спущена на воду летом 1932 г. и закреплена за Сирениками. Судна такого типа не были приспособлены для промысловых целей, но активно использовались как

¹ МАЭ № 6010-3, 6010-48. В сноске приводятся номера соответствующих предметов из рассматриваемой коллекции.

² МАЭ № 6010-5, 6010-8.

³ МАЭ № 6010-45.

Рис. 1. Клык моржовый гравированный (фрагмент). МАЭ № 6010-4

Fig. 1. Engraved Walrus Ivory Tusk (fragment). The MAE collection № 6010-4

транспортное средство, высвобождая тем самым вельботы для промысла морского зверя. Эти две небольшие шхуны ежегодно перевозили множество различных грузов: стройматериалы, промышленные и продуктовые товары, они отправлялись от Уэлена и заканчивали свой путь в Анадыре. Случалось, что на шхунах перевозили даже пассажиров (Тропою Бога-раза... 2008: 147).

Как уже было отмечено, при охоте на морзверя использовались как древние орудия, так и современное огнестрельное оружие. Наиболее распространенными были американские винчестеры 30 калибра (АМАЭ РАН. Ф. К-П. Оп. 1. Д. 265. Л. 108). Винтовки такого типа вполне подходили для охоты и на тюленей, и на моржей. С конца 1930-х гг. стали завозить ружья советского производства: берданы и мелкокалиберные винтовки, которые подходили только для охоты на нерпу и лахтака. Также на Чукотку забрасывали и карабины, которые на практике оказались абсолютно непригодными для охоты на крупного морзверя. Пуля карабина, например, могла пробить кожу моржа, но даже не проходила его жировой слой (АМАЭ РАН. Ф. К-П. Оп. 1. Д. 265. Л. 109), что лишь пугало животное.

На гравировках запечатлен и процесс свежевания добытого морского зверя, который с приходом советской власти не претерпел практически никаких изменений⁴. Подтверждая документальные материалы, гравировки повествуют: мужчины разделывали добытого моржа простыми охотничьими ножами прямо на месте промысла — на дрейфующих льдах или на воде. Связано это с тем, что колхозные моторы не позволяли буксировать целую тушу моржа на большие расстояния, а погрузить моржа в вельбот без специальных механических приспособлений не представлялось

⁴ МАЭ № 6010-5, 6010-6.

возможным. Сначала охотники делали разрез на животе вдоль туловища, вокруг ласт и головы. Затем снимали шкуру вместе с салом и извлекали внутренности, а голову отделяли вместе с клыками. После этого тушу делили по суставам на более мелкие части, причем кости охотники никогда не рубили. Если морж был крупным, то кости при свеживании вырезали, чтобы судно от веса не оседало слишком сильно (Тропою Богораза... 2008: 148). Только в тех случаях, когда моржа добывали вблизи берегов, его буксировали и разделявали на прибрежной гальке (АМАЭ РАН. Ф. К-II. Оп. 1. Д. 265. Л. 140).

Не менее распространенным на побережье был и промысел нерпы, что подробно отражено и в гравированных изображениях из собрания МАЭ РАН⁵. Охотники выходили на промысел по одиночке пешком или выезжали на собаках, если, конечно, имелась собачья упряжка и береговой припай был достаточно широким. Необходимое снаряжение охотника включало оружие, закидушку (деревяшку грушевидной формы с острыми крюками, закрепленную к концу длинного линия), шест с металлическим наконечником для проверки прочности льда и маленькие саночки, на которых зверя доставляли в селение (АМАЭ РАН. Ф. К-II. Оп. 1. Д. 265. Л. 148). Отмечу, что традиционно полозья таких саночек изготавливались из моржовых клыков, которые скреплялись деревянными перекладинами. Если санок не было, охотники просто обвязывали животное ремнем и волоком доставляли в селение. Если снег был рыхлым, то охотники использовали специальные лыжи, а для маскировки чаще всего надевали поверх кухлянки белую камлейку. Добравшись до подходящего места для охоты, на рогульке («вилке») настораживали ружье и поджидали зверя. Кроме того, в первой половине 1930-х гг. для охоты на нерпу стали широко применять сети (АМАЭ РАН. Ф. 40. Оп. 1. Д. 131. Л. 13). Нерп и лахтаков на месте промысла, как правило, не разделявали, а целиком доставляли в селение. В отличие от разделки моржа, которой занимались сами охотники, тюленей разделявали женщины специальными женскими ножами тем же способом, что и моржей⁶. Лишь незначительная часть шкур для бытовых и хозяйственных нужд снималась бурдюком.

В ряде гравировок из коллекции МАЭ РАН представлены и сцены добычи кита⁷, что было редкостью и большим событием в жизни колхоза. Добытый кит обеспечивал селение китовым мясом и жиром на весь год, а жители соседних селений могли также взять себе столько мяса и жира, сколько могли увезти. Более того, за китовый ус и жир, сдаваемый на фактории, колхоз получал значительный денежный доход. В 1940-е гг. охотой на кита занимались только наиболее крупные колхозы на побережье — от м. Сердце-Камень до м. Преображения. Это было связано с тем,

⁵ МАЭ № 6010-19, 6010-20, 6010-22, 6010-23, 6010-25.

⁶ МАЭ № 6010-12, 6010-19, 6010-25.

⁷ МАЭ № 6010-7, 6010-9, 6010-17.

что в охоте на кита принимали участие сразу несколько колхозных бригад. Они окружали зверя и ранили его из китобойной пушки, заряженной разрывной гранатой. Далее начиналась погоня, во время которой раненого кита закидывали гарпунами. После того, как зверь был убит, следовал не менее сложный этап работы — транспортировка добычи к берегу. Далеко не всегда это было возможно. Как и в случае с моржовым промыслом, кита, добытого далеко от берега, не могли буксировать на моторах, которыми были оснащены вельботы в колхозах. Кита разделявали специальными ножами — сечками. Китовое мясо, которое, в отличие от моржатины, со временем не приобретало специфического острого запаха, заготавливали и хранили в ямах.

На одном из клыков⁸ можно найти гравированную сцену, запечатлевающую добычу белухи, но следует отметить, что промысел белухи был случайным и не носил систематического характера (АМАЭ РАН. Ф. К-II. Оп. 1. Д. 265. Л. 160).

Уже было указано, что среди сцен охоты, изображенных на гравированных клыках, большая часть посвящена промыслу моржа. В одном из рассказов Юрия Сергеевича Рытхэу мы находим следующие строки о *рыркы* (чук. морж):

Это животное — главный источник жизни приморского *луоравэтлана*, *анкалина*. Если у побережья есть морж, значит, можно не беспокоиться о пропитании, о горючем для жирника, не надо думать о том, чем покрыть ярангу, из чего сшить покрывку для охотничьей байдары, откуда взять прочные эластичные ремни, материал для шитья непромокаемых плащей и, наконец, не надо гадать о том, чем кормить главное транспортное средство арктического человека — собак упряжки. <...> Вот что я имел от моржа, когда жил в Уэлене. Крыша моей яранги была покрыта *рэпальгином* — расщепленной моржовой кожей. В жирниках блестел растопленный моржовый жир, над огнем висел котел, полный моржового мяса... На высоких подставках сушились байдары, покрытые моржовой кожей, меж столбов гирляндами висели наполненные воздухом моржовые кишки, из которых потом шили непромокаемые плащи. Из моржовых бивней, пока не было железа, точили наконечники стрел и копий, вытачивали кольца, пуговицы, а позже разрисовывали бивни сюжетами из древних сказаний. Из моржового желудка мастерили *ярар* — громогласный бубен, чей звук мог соперничать с шумом морского прибора (Рытхэу 2010: 218–224).

Очевидно, морж для берегового чукчи до начала XX в. — это жизнь. В советское послевоенное время, несмотря на изменения жизни берегового

⁸ МАЭ № 6010-11.

населения, этот тезис не утратил своей актуальности. Это подтверждают гравировки на моржовых клыках из собрания МАЭ РАН.

Подобное промыслу морзверя значение среди тундровых чукчей, чаучу, имели оленеводство, охота на пушного зверя и рыболовство.

В середине 1930-х гг. инспектор при Чукотской культбазе отмечал, что «интересы большинства чаучу вращаются в заколдованном круге оленьего стада» (МАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 531). Здешний и потусторонний мир для чаучу — это царство оленей⁹. Такие отношения человека и оленя, в сущности, вполне естественны, ведь олень служил северному человеку для удовлетворения самых разнообразных жизненных потребностей: мясо являлось основным элементом питания чаучу, из шкур делали зимнюю одежду, обувь, покрышки для жилищ. Олени были и самым надежным транспортом тундровых чукчей. Продукция оленеводства была также средством натурального обмена с береговыми чукчами¹⁰, от которых чаучу получали жир, мясо и шкуры морского зверя, необходимые для отопления, корма собакам, изготовления летней одежды и обуви (см. рис. 2). Точно так же и береговые чукчи для обмена с тундровыми готовили *атымнат* — шкуры нерп, лахтаков, жир морзверя, сушеное мясо, белужьи жилы для ниток, лахтачью кожу для подошв, лахтачьи ремни для арканов, торбаса, сшитые из нерпичьих шкур. Взамен брали оленье мясо, сало, оленьи жилы, камус, готовые чижы, штаны, торбаса из оленьего меха (Тропою Богораза... 2008: 161). Кроме того, существуют документы,

Рис. 2. Клык моржовый гравированный (фрагмент). МАЭ № 6010-10

Fig. 2. Engraved Walrus Ivory Tusk (fragment). The MAE collection № 6010-10

⁹ МАЭ № 6010-13.

¹⁰ МАЭ № 6010-10, 6010-20, 6010-25.

свидетельствующие, что вплоть до начала XX в. живые олени были объектом обмена с американскими торговцами. Этот интереснейший сюжет запечатлен и на гравированном клыке из коллекции МАЭ РАН (см. рис. 3).

Объектом пушного промысла был песец, иногда охотились на красную лисицу. Огнестрельное оружие в промысле пушного зверя чукчи и эскимосы не использовали: разрывные снаряды, которые забрасывали на Чукотку, сильно портили шкурки животных. Это подтверждают и произведения художественного косторезного промысла: в коллекции МАЭ РАН есть моржовый клык¹¹, на котором изображен песец, попавший в капкан. Редко убивали бурых или белых медведей, которые становились скорее случайной жертвой охотника. Добытую пушнину охотники сдавали на фактории и в кооперативы, где доставали необходимые товары (АМАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 531. Л. 5).

Рыболовство — еще один вид промысла чаучу¹², однако оленные чукчи ловили рыбу в небольших количествах и лишь в тех случаях, когда кочевали близ рек (АМАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 531. Л. 2). Чаучу использовали следующий вид лова: на глубоком месте во льду вырубалась прорубь, а когда рыба подходила к проруби, ее извлекали при помощи небольшой палки с крючком на конце, который нужен был только для того, чтобы было удобно поддеть рыбу и вытащить ее на лед (АМАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 531. Л. 6). Никакую приманку оленные чукчи на крючок не насаживали. Рыбу не солили, а складывали в мешки из кож целых нерп.

Рис. 3. Клык моржовый гравированный (фрагмент). МАЭ № 6010-21

Fig. 3. Engraved Walrus Ivory Tusk (fragment). The MAE collection № 6010-21

¹¹ МАЭ № 6010-10.

¹² МАЭ № 6010-5, 6010-10, 6010-11, 6010-21.

Благодаря морозам рыба не успевала разложиться, но приобретала сильный запах. Чаучу употребляли рыбу как в сыром (в том числе замороженном) виде, так и в вареном. Владилен Вячеславович Леонтьев записал от коренного жителя Анадырского района следующие сведения: ловить рыбу сетями начали только тогда, когда пришла новая власть и узнали русских, а до этого коренные жители не знали сетей, тем более что их было не из чего делать (Тропою Богораза... 2008: 65). Справедливости ради отмечу, что у Леонтьева речь идет о кереках. Однако уместным кажется предположение, что и у других коренных народов, проживающих в Анадырском районе, лов был устроен так же.

На нескольких клыках также имеются гравировки, запечатлевшие охоту на птиц, уток и гусей при помощи болов — метательных приспособлений, изготовленных из жил оленя или морского зверя с грузиками из моржовой кости (в начале XX в. в этом качестве иногда использовались и свинцовые шарики)¹³. В 1930-е гг. болы стремительно стало вытеснять огнестрельное оружие (см. рис. 5).

Сюжеты, повествующие о морском зверобойном промысле и оленеводстве, неразрывно связаны как с темой образования колхозов и кооперативов, так и с развитием в советское время торговли.

Начало колхозного строительства на Чукотском побережье относится к 1927–1928 гг., когда начали создаваться сезонные производственные группы. В 1931 г. на побережье стали организовывать первые артели, но массовое колхозное строительство началось лишь с 1932 г. (АМАЭ РАН. Ф. К-II. Оп. 1. Д. 265. Л. 53–56). К этому времени на Чукотском полуострове окрепли и работали пять крупных колхозов: Чаплинский, Уэленский, Науканский, Дежнёвский, Сиреникский (АМАЭ РАН. Ф. 40. Оп. 1. Д. 131. Л. 9). В целом процесс коллективизации на Чукотке не был быстрым и протекал весьма болезненно, сопровождаясь раскулачиванием и борьбой с шаманами. Совершенно не способствовал коллективизации и тот факт, что изначально артели задумывались смешанными и, как оказалось, слишком крупными (нередко они объединяли несколько селений). Негативное отношение коренного населения к советской власти и идее коллективизации вызывало обобществление в артели не только средств производства, но и личного имущества населения, отсутствие на местах компетентных руководителей. Нередко погоня за цифрами — за выполнением плана заготовок — приводила к перегибам на местах, такого рода явления принимали уродливую и даже ужасающую форму. Следует добавить, что изначально колхозы создавались практически исключительно среди оседлого берегового населения (АМАЭ РАН. Ф. К-II. Оп. 1. Д. 265. Л. 60), с тундровыми чукчами новой власти справляться было гораздо труднее, потому коллективизация среди чаучу проводилась еще дольше,

¹³ МАЭ № 6010-6, 6010-16, 6010-18, 6010-19.

вплоть до конца 1950-х. Например, житель Марковского района вспоминал, что в 1940-е гг. власти повсюду давили силой и отбирали абсолютно все: нарты, веревки, даже мешковину. У чаучу не оставалось ничего собственного. Кочевать было не на чем и некуда: яранги рушили, жерди яранг рубили на дрова (Тропою Богораза... 2008: 91). Таких сюжетов на гравированных изделиях, увы, не найти.

В зверобойных колхозах создавались бригады, занятые промыслом не только морского, но и пушного зверя, рыболовецкие товарищества, группы по косторезному промыслу, бригады по пошиву одежды и обуви. При этом на работу в колхозы активно привлекали не только мужчин, но и женщин. Они включались в работу образованных товариществ и колхозов, становились деятельными участниками колхозной жизни наравне с мужчинами, получали свою часть натурального и денежного дохода. Безусловно, вовлечение в колхозы женской части населения имело определенный идеологический подтекст: советское руководство считало, что вовлечение женщин в кооперативы освобождало их от статуса работницы при кулаке (АМАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 532. Л. 39). Например, уже в первой половине 1930-х гг. в селении Уназик (Старое Чаплино) женщины изготавливали изящные ковры, всевозможные меховые изделия, тапочки, портфели, мягкие стулья и т. д. (Тропою Богораза... 2008: 146–147), а в 1939 г. в сиренинском колхозе была организована первая специальная женская бригада по строжке жира с моржовых шкур (АМАЭ РАН. Ф. К-II. Оп. 1. Д. 265. Л. 123). Ранее эту работу выполняли сами охотники, причем во время интенсивной охоты снятые с жиром шкуры закапывали в прибрежной гальке, где они начинали гнить, это, в свою очередь, значительно снижало качество кожевенного сырья, а жир со шкур утекал и загрязнял берег.

В коллекции МАЭ есть два замечательных и при этом практически идентичных клыка¹⁴, на которых представлен полный цикл обработки моржовых и тюленьих кож: от убоя морских животных до сдачи готовых изделий в местный кооператив. Примечательно, что те этапы работы, которые претерпели изменения с приходом советской власти, показаны параллельно с традиционными способами обработки шкур морских животных. Благодаря такому композиционному приему новый советский уклад жизни представал в весьма привлекательном свете. Наиболее репрезентативным является изображение пошива изделий из кож и меха: показано шитье вручную до образования кооператива и и на швейной машинке — после. На тех фрагментах изображения, где представлен советский период жизни Чукотки, мастерицы одеты уже не в традиционные керкеры, а в привычную для европейцев хлопковую одежду (см. рис. 4).

Отдельного внимания заслуживает и сюжет, связанный с появлением на Чукотке художественных мастерских по обработке кости. Идея

¹⁴ МАЭ № 6010-22, 6010-23.

Рис. 4. Клык моржовый гравированный (фрагмент). МАЭ № 6010-22

Fig. 4. Engraved Walrus Ivory Tusk (fragment). The MAE collection № 6010-22

организации косторезного дела была выдвинута в 1925 г. Вслед за этим при Комитете Севера при участии В. Г. Богораза была создана специальная Комиссия по изучению рынка изделий туземцев Крайнего Севера, главной задачей которой являлось практическое изучение рынков заготовки, внутреннего и внешнего рынков сбыта изделий, произведенных коренным населением Крайнего Севера. Основные задачи комиссии были следующими: сбор материалов и образцов, характеризующих состояние промысла на современном этапе; переработка, приспособление и подготовка изделий к массовому производству и сбыту; утверждение качественных стандартов; изучение спроса; содействие по обустройству выставок (СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 229. Л. 19–22). Фактически же от теории к практике перешли только в 1928 г., когда на Чукотскую культбазу отправился инструктор по столярно-резному делу Василий Никитович Морозов (ЦГА СПб. Ф. 471. Оп. 2. Д. 88. Л. 70). Вместе с ним на Чукотку было заброшено необходимое для организации промысла оборудование, предоставлено отдельное помещение для работы кустарей. Однако, согласно архивным материалам, дело первого чукотского инструктора не имело особого успеха, что объяснялось отсутствием резчиков по кости в районе чукотской культбазы (АМАЭ РАН. Ф. К-II. Оп. 1. Д. 5. Л. 88). В 1932 г. Акционерное Камчатское общество (АКО) заключило договор с инструктором Венедиктовым, который был командирован в с. Дежнёв. В сущности, перед инструктором не стояло никаких сверхзадач: его делом было наладить максимально эффективное использование моржовой кости и механизировать пуговичное производство. В это же время в Ванкаремe силами заведующего округа Кривдуна

была собрана кустарно-промысловая группа (АМАЭ РАН. Ф. К-II. Оп. 1. Д. 5. Л. 88), а к 1933 г. на базе крупных колхозов были организованы пять сезонных косторезных артелей: в Чаплино, Сирениках, Наукане, Дежнёве и Уэлене (АМАЭ РАН. Ф. К-II. Оп. 1. Д. 5. Л. 89).

И все-таки до приезда на Чукотку в 1933 г. первого профессионального художника всерьез наладить косторезный промысел не удалось. Судя по архивным документам, хранящимся в МАЭ РАН, главной причиной неудач было то, что «само население возражало против мастерской этого уклона», считалось, что «гораздо более необходима мастерская по дереву и металлу» (АМАЭ РАН. Ф. К-II. Оп. 1. Д. 5. Л. 10). Такое положение дел было связано прежде всего с переустройством быта и завозом на Чукотку в 1920–1930-е гг. новых строительных материалов, использование которых требовало от коренного населения определенных навыков. Так, в 1931 г. на Первом окружном съезде советов Чукотки сами коренные жители выдвигали вопрос об организации политехнической школы (АМАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 532. Л. 22).

С приездом А. Л. Горбункова, ставшего художественным руководителем мастерских (1933–1935 гг.), в Уэлене была организована постоянная косторезная мастерская, сформирован ассортимент косторезных изделий, выработана ясная стилевая направленность и круг сюжетов, которые актуальны для чукотско-эскимосского искусства и по сегодняшний день. Организация труда и этапы работы с моржовым клыком от приема и взвешивания сырья до изготовления гравировок и мелкой пластики также нашли отражение в самих художественных изделиях¹⁵. Совершенно очевидно, что сильно изменились условия труда (мастера работали в теплой мастерской с электрическим освещением), инструменты, которыми пользовались косторезы (многие приспособления ускоряли и облегчали работу мастеров — появились бормашины, станки, тиски, разнообразные напильники и пилы, стамески, сверла), однако старые проверенные инструменты — коготки и кисточки — никуда не пропали, так как были и привычны мастерам, и хорошо подходили для гравировки плотной моржовой кости. Замечательно, что теперь сам косторезный промысел стал темой для резьбы на кости (см. рис. 5а, б).

Организация советской торговли на Чукотке также была сопряжена с большими трудностями ввиду заинтересованности в этом регионе американского рынка, крепко обосновавшегося на Крайнем Севере. Начало проникновению на Чукотку иностранных торговцев, снабжавших товарами местное население, положили царские указы о беспопытной иностранной торговле, изданные в 1831 и 1837 гг. Лишь позднее, в 1902 г., во время горных разведок и поисковых работ через Северо-Восточное Сибирское общество была налажена сеть торговых пунктов (Марково, мыс Дежнёва,

¹⁵ МАЭ № 6010-24, 6010-32.

5a

5б

Рис. 5а. Клык моржовый гравированный (фрагмент). МАЭ № 6010-32

Fig. 5a. Engraved Walrus Ivory Tusk (fragment). The MAE collection № 6010-32

Рис. 5б. Клык моржовый гравированный (фрагмент). МАЭ № 6010-32

Fig. 5b. Engraved Walrus Ivory Tusk (fragment). The MAE collection № 6010-32

Рис. 6. Клык моржовый гравированный (фрагмент). МАЭ № 6010-21

Fig. 6. Engraved Walrus Ivory Tusk (fragment). The MAE collection № 6010-21

бухты Эмма, Лаврентия), где торговыми агентами также выступали американцы. Таким образом, до прихода советской власти в этот регион вся торгово-снабженческая деятельность находилась в руках американцев. С одной стороны, будет справедливо отметить, что ассортимент хозяйственных товаров, предлагаемых ими, был достаточно широк: ружья, патроны, медные чайники и котлы, брезент, лесоматериалы, жевательный табак и т. п. Все это, несомненно, приносило пользу коренным жителям. С другой стороны, торговцы за бесценок покупали и обменивали продукцию промысла коренного населения. Любопытные сведения об американской торговле на Чукотке дает Северо-Восточное Сибирское общество (АМАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 531а. Л. 56). Из документальных источников следует, что только на Дежнёв ежегодно ввозилось до 1 300 ведер спирта; за пару торбасов давали пять морских сухарей; шкуру нерпы меняли на один фунт кирпичного чая (в то время как 2,5 фунта кирпичного чая стоили 35 копеек); шкуру белого медведя оценивали в ведро спирта (тогда оно стоило 1 руб. 50 коп.). Сцена такого обмена запечатлена на одном из клыков, хранящихся в собрании МАЭ РАН (рис. 6). Впрочем, было бы

заблуждением считать, что с приходом советской власти проблема с алкоголизацией коренного населения была решена. По архивным документам мы знаем, что в Анадырском районе (точнее — в районе Мечигменского залива) самогоно- и браговарение было монополией берегового населения (АМАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 531. Л. 28). При этом автор документа не без иронии отмечает, что в этом смысле чаучу «отстали», так как варить самогон не умели. Береговые же, в свою очередь, не раскрывали секрета браговарения чаучу, потому что эта деятельность приносила им высокий доход. Эта проблема рассматривалась среди прочего на заседании Первого окружного съезда советов Чукотки. Было предложено бойкотировать «бизнесменов-самогонщиков», не выдавать им муку и сахар, чтобы хотя бы таким образом минимизировать спаивание местного населения (АМАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 532. Л. 4). Теоретически меры принимались, но фактически алкоголь оставался ходовым продуктом среди туземцев.

Надо сказать, что и в процессе советизации Чукотки вопрос снабжения не мог быть решен местными силами ввиду элементарного отсутствия технических ресурсов¹⁶. Так, вплоть до 1925 г. торговля на Чукотке была сосредоточена в руках американской компании «Гудсон Бей» (АМАЭ РАН. Ф. К-II. Оп. 1. Д. 265. Л. 44), после чего свою деятельность в шести пунктах (на мысах Шмидта, Дежнёва и Беринга, в бухте Провидения, заливах Лаврентьева и Креста) начала советская монопольная организация — Охотско-Камчатское рыбопромышленное общество (ОКАРО). Главная трудность, с которой оно столкнулось, касалась политики образования цен: они должны были быть ниже, чем у американских поставщиков. В противном случае сырье и пушнина сбывались контрабандой за границу.

Отрицательно на состоянии торговых отношений русских и коренных жителей сказывалась и частая смена торгующих организаций в первые годы советизации (АМАЭ РАН. Ф. К-II. Оп. 1. Д. 265. Л. 48). Так, ОКАРО окончило свое существование, не продержавшись и года. Преемником ОКАРО на Северном побережье в 1925 г. был назначен Дальгосторг. Согласно Приполярной переписи, в 1925–1926 гг. на Чукотке работали восемь торговых заведений, пять из которых были государственными (в селениях Рыркайпий, Дежнёв, Яндогай, Урелик и Нунлигран), а три являлись частными факториями (в селениях Ванкарем, Энмакай, Яндогай) (АМАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 531а. Л. 58). Негативно на развитии торговли сказывались неизученность спроса среди местного населения, сложности доставки товаров и их дальнейшей заброски вглубь материка. В результате в 1927 г. «для изжития неувязок в работе и разнобоя в ценах» (АМАЭ РАН. Ф. К-II. Оп. 1. Д. 265. Л. 49) снабжение всего района было передано АКО, которое тем не менее окончательно не решило все проблемы. В отчетах из Архива МАЭ РАН за 1930-е гг. отмечаются крайне

¹⁶ МАЭ № 6010-22, 6010-26, 6010-33.

нерегулярное снабжение и дефицит промтоваров, которые пользовались спросом у местных жителей: мука и сахар, чай, табак и махорка, спички, винчестеры, патроны и бинокли, плотничий инструмент, кастрюли и чайники, брезент и полозья для нарт. Такие сложности с заброской товаров в разные районы Чукотки сохранялись вплоть до конца 1940-х гг.

Большое внимание на местах советы уделяли политпросвещению. Прежде всего в кооперативах проводились беседы с коренным населением на самые разнообразные темы: о культбазах и их назначении, кооперации и коллективизации, чукотском хозяйстве, работах в шахтах, способах производства европейских предметов, завозившихся на Чукотку, укреплении советской власти и антирелигиозных вопросах. Здесь также проводились лекции о жизни за пределами тундры (АМАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 531. Л. 12–13). Помимо этого, местным жителям рассказывали и о революционных годовщинах, подкрепляя такие беседы практикой: с 1930-х гг. на культбазах отмечали, например, Кровавое воскресенье, день смерти Ленина, День Красной армии, 8 Марта, свержение самодержавия, 1 Мая, а также проводили другие советские праздники (АМАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 531. Л. 14–15). Настоящим событием в жизни Чукотки стали День Победы и выборы в Верховный Совет 10 февраля 1946 г. — оба стали отдельными темами для гравировок¹⁷. Эти празднования, хотя и были новым для чукчей и эскимосов явлением, представляли собой беседы с угощением, после которых иногда показывали кино, устраивали традиционные чукотские соревнования (бега, гонки на оленях) и танцы, соревнования по стрельбе (Богораз 1949). Бок о бок с традиционными играми в жизнь коренных жителей входили такие игры, как домино и бильярд, — наблюдательный мастер отразил эти новшества в своей работе из коллекции МАЭ РАН (рис. 7а, б). Нередко случалось, что в день официального праздника ограничивались лишь беседами, а прочие мероприятия откладывали на будущее из-за погодных условий, ведь во время пурги посетителей в клубах практически не было.

Главными мотивами ряда гравированных клыков из собрания МАЭ РАН являются изменения облика Чукотки, перемены в быте коренного населения, которые постепенно происходили с начала 1920-х гг., но стали совершенно очевидными к середине XX в. Показательны в этой связи рассказы Айвангу о жизни эскимосов в период становления советской власти на Чукотке (Тропою Богораза... 2008: 144–155). Айвангу родился и провел свое детство и юность в Уназике, а в конце 1950-х гг. переехал в Новое Чаплино вместе с остальными жителями прежнего селения. Айвангу перечислял преимущества новой жизни, в которой практически не осталось места старой: все жили в красивых и благоустроенных рубленых домиках, в селе была построена школа-интернат,

¹⁷ МАЭ № 6010-30, 6010-31, 6010-33.

7а

7б

Рис. 7а. Клык моржовый гравированный (фрагмент). МАЭ № 6010-24

Fig. 7a. Engraved Walrus Ivory Tusk (fragment). The MAE collection № 6010-24

Рис. 7б. Клык моржовый гравированный (фрагмент). МАЭ № 6010-32

Fig. 7b. Engraved Walrus Ivory Tusk (fragment). The MAE collection № 6010-32

функционирование которой обеспечивало государство, работали магазин и почтовое отделение, открылась звероферма, где разводили голубых песцов, был большой клуб, строилась механизированная площадка для разделывания морзверя, а в скором будущем должна была заработать больница. Ценные комментарии о старой и новой жизни на Чукотке, о детстве и возмужании были записаны от жителя Мейныпильгыно, керека Етынкеу (Тропою Богораза... 2008: 64–66). Он сообщает, что раньше зимой жили в землянках-валькарах, а летом — в ярангах. Валькары были холодными, так как в них не было железных или кирпичных печей, их сильно заносило снегом снаружи, да внутри все покрывалось снегом. Раньше чукчи и эскимосы были неграмотными, все необходимое для жизни добывали только руками, физической работой. Трудиться приходилось много и тяжело, но жили в большой бедности, нужде. Етынкеу сообщал, что магазинов не было и питаться приходилось только животной пищей. Все орудия труда также делали своими руками. Летом плавали на байдарках, а зимой ездили только на собаках. Бывало, что взрослые уезжали куда-нибудь на собаках и детям приходилось ходить за дровами пешком. С установлением советской власти молодежь стала жить беззаботно, ездить «на моторах» (Тропою Богораза... 2008: 64–66).

Гравированные клыки, которые представляют панораму Уэлена середины 1940-х гг., наглядно иллюстрируют слова Айвангу и Етынкеу, а также соотносятся с архивными материалами¹⁸. Безусловно, здесь мы уже не найдем жилищ типа землянок, даже яранг традиционного типа начала XX в. совсем немного, а те, что имеются, уже использовались, вероятно, как хозяйственные помещения. Практически отсутствуют гравировки с изображениями *увэранов* — собственных сравнительно

¹⁸ МАЭ № 6010-27, 6010-28, 6010-29, 6010-30, 6010-32, 6010-33.

неглубоких мясных хранилищ. Теперь, когда задумка Советов приучить береговое и кочевое население к оседлости начинала воплощаться (АМАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 532. Л. 20), мастера гравировали на клыках яранги усовершенствованного типа и круглые домики по проекту инженера В. Ф. Свиньина, деревянные каркасные домики, административные здания, склады и заготовительные фабрики, школы. Особенность школьного образования на Чукотке состояла в том, что, помимо общих предметов, с середины 1930-х при школах организовывали обучение ремеслу: девочек учили шить и вышивать, а мальчиков — работать с костью (АМАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 532. Л. 4).

Кроме того, с 1930-х гг. на Чукотке появляются читальни и кинопередвижки (АМАЭ РАН. Ф. 40. Оп. 1. Д. 131. Л. 14). В отчете о работе «красной яранги»¹⁹ от 1933 г. значится, что кино сразу завоевало симпатии чукчей, в частности речь шла о фильме «Витимская тайга», где была показана жизнь оленных тунгусов, фильмы же с романтическим содержанием коренных жителей совершенно не интересовали (АМАЭ РАН. Ф. 40. Оп. 1. Д. 131. Л. 13). С 1930-х гг. в жизнь коренных жителей Чукотки также вошло и радио, услышанные по радио новости сельчане пересказывали друг другу.

С советизацией края начинается добыча угля, торфа и заброска на Чукотку топлива (АМАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 532. Л. 16), что, безусловно, отразилось и в гравировках — бочки стали неотъемлемой частью гравированных изображений, посвященных реалиям новой советской жизни (рис. 8). Это свидетельство того, как новая советская власть предпринимала попытки внедрить среди коренного населения привычный для европейской части страны образ жизни. Однако если взглянуть на этот вопрос иначе, станут очевидны экономические интересы, которые преследовало советское руководство, проводя «модернизацию» быта коренного населения. Из протоколов заседаний Первого окружного съезда советов Чукотки (АМАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 532. Л. 18) понятно, что жир морского зверя предлагалось заменить керосином или дровами для отопления, яранги — иными типовыми постройками отнюдь не из сочувствия или любви к населению. Такие перемены в укладе жизни чукчей и эскимосов объясняются тем, что уже в 1930 г. был взят курс на «вывоз продукции морзверя для нужд СССР»: нужны были шкуры, жир, кости (АМАЭ РАН. Ф. 40. Оп. 1. Д. 131. Л. 8). Завоз материалов для утепления жилищ (теса, бревен, железа, гвоздей, кирпича, толи, картона) был необходим для того, чтобы можно было заменить шкуры морского зверя, которые шли на покрытие яранг (АМАЭ РАН. Ф. 40. Оп. 1. Д. 131. Л. 12). Коммунистическая партия, конечно же, считала, что кожевенной промышленности

¹⁹ Красными ярангами с 1930-х гг. называли передвижные политико-просветительские учреждения, которые действовали на территории Крайнего Севера.

Рис. 8. Клык моржовый гравированный (фрагмент). МАЭ № 6010-20

Fig. 8. Engraved Walrus Ivory Tusk (fragment). The MAE collection № 6010-20

СССР сырье, полученное при добыче морзверя, гораздо нужнее, чем коренным жителям. В архивных документах о Чукотском районе за 1930–1933 гг. даже приводится любопытнейшее экономическое обоснование таких манипуляций с материалами. Автор отчета Подкорытов отмечает, что на побережье района имеются 702 яранги, на каждую из них идет пять расколотых шкур моржа, которые служат два-три года. В среднем цена моржовой шкуры на рынке составляла 75 руб. Соответственно, для покрытия 702 яранг, необходимо 3510 шкур, за которые можно было бы получить практически 250 тыс. руб. дохода. Здесь же автор резюмирует, что 3510 шкур могли бы сильно помочь в выполнении плана заготовок сырья. Это рассуждение касается береговых чукчей и эскимосов, но и об оленных чукчах Подкорытов в отчете не забыл: олени шкуры, которые шли на покрытие яранг чаучу предлагалось «хотя бы частично» заменить брезентом, чтобы сэкономить ценное сырье для замшевой промышленности. Здесь же партийный работник констатирует, что керосин завозится на Чукотку в недостаточном количестве. Дефицит такого топлива приводит к тому, что коренные жители отапливают свои жилища жирниками, а животный жир стоит дороже: 30 коп. за килограмм жира против 10 коп. за килограмм керосина (АМАЭ РАН. Ф. 40. Оп. 1. Д. 131. Л. 11).

Решающую роль в систематическом изучении и экономическом развитии территорий Крайнего Севера играло освоение Северного морского пути (СМП). Благодаря подготовке безопасного плавания судов вдоль берегов Ледовитого океана и северо-восточной части Тихого океана, в начале 1930-х гг. Главное управление СМП инициирует масштабное строительство полярных станций — к 1932 г. они появились на острове Врангеля и мысе Шалаурова, а через десять лет, в 1941 г., в Амбарчике, на острове Айоне, в Певеке, Ванкареме, на м. Сердце-Камень, в Уэлене, на острове

Ратманова, Лаврентия, в Заливе Креста, бухте Угольной. На некоторых станциях устанавливали ветроэлектрические двигатели, которые давали энергию для радиостанций и освещения помещений. Стало возможным строительство шахт, фабрик, рыбоконсервных и ремонтных заводов, электростанций, началось создание минимальной внутренней транспортной сети. Для подачи световых сигналов кораблям на побережье Восточно-Сибирского, Чукотского и Берингова морей построили электромаяки. С конца 1930-х гг. ведется систематическое строительство сети учреждений: радиоцентров, метеорологических станций, объектов авиахозяйства, портов, угольных баз. В 1930-е гг. первые шаги на Чукотке сделала коммунальная энергетика. В начале 1937 г. поселковая электростанция дала ток в административные учреждения и жилые дома, что также нашло отражение в чукотско-эскимосском косторезном искусстве (рис. 9).

В этой статье предпринята попытка широкими мазками представить отдельные грани новой жизни советской Чукотки, сопоставляя две ее ипостаси: художественную, с опорой на собрание предметов чукотско-эскимосского косторезного искусства из МАЭ РАН, и фактическую, с опорой на архивные материалы, представленные в научных архивах Москвы и Санкт-Петербурга. С точки зрения автора, сведения, которые удастся извлечь из документов и благодаря анализу предметов искусства, не противоречат друг другу. Вместе с тем необходимо учитывать, что косторезный промысел Чукотки был продуктом советской культурной политики, ее

Рис. 9. Клык моржовый гравированный (фрагмент). МАЭ № 6010-29

Fig. 9. Engraved Walrus Ivory Tusk (fragment). The MAE collection № 6010-29

детищем, а потому в определенной степени носил идеологический отпечаток. В этом нетрудно убедиться, рассматривая замечательные гравировки на моржовых клыках, изображающие наиболее презентабельные и идеализированные картины из жизни чукчей и эскимосов. Соответственно, чтобы наиболее адекватно представить сложные, а часто неоднозначные процессы и преобразования, которые происходили в первые десятилетия советизации на Крайнем Севере, необходимо раз за разом обращаться к документальным свидетельствам той эпохи.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКО — Акционерное Камчатское общество
 АМАЭ РАН — Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук
 ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
 ДГТ — Государственная торговая импортно-экспортная контора по торговле со странами Дальнего Востока (Дальгосторг)
 ОКАРО — Охотско-Камчатское акционерное рыбопромышленное общество
 СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- АМАЭ РАН. Ф. 40. Оп. 1. Д. 131. Подкорытов В. Чукотский район за три года (1930–1933). 1933.
- АМАЭ РАН. Ф. К. II. Оп. 1, Д. 187. Орлова Е. П. Юпигиты (азиатские эскимосы). 1935.
- АМАЭ РАН. Ф. К-II. Оп. 1. Д. 265. Кнопфмиллер М. О. Морской зверобойный промысел Чукотки. 1940.
- АМАЭ РАН. Ф. К-II. Оп. 1. Д. 5. Сведения о работе школ Чукотского округа. 1930–1936.
- АМАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 531. Отчет о работе политпросветкружка «Красная Яранга» при Чукотской культбазе с 1 мая 1932 по 15 мая 1933 г. 1933.
- АМАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 531а. Отчет краеведа Чукотской культбазы по обследованию района в 1930–1931 гг.
- АМАЭ РАН. Ф. К-V. Оп. 1. Д. 532. Протоколы заседаний Первого окружного съезда Советов Чукотки. 1932.
- СПбФ АРАН. Ф. 250. Оп. 3. Д. 229. Материалы о работе среди малых народов Севера, о развитии кустарных промыслов, списки вещей, приобретенных во время экспедиции (протоколы, переписка, тезисы докладов). 1925–1927.
- ЦГА СПб. Ф. 9471. Оп. 2. Д. 88. Л. 66–70. Трудовой список. Морозов Василий Никитович. *Антропова В. В.* Современная чукотская и эскимосская резная кость // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1953. Т. XV. С. 5–122.
- Богораз В. Г.* Игры малых народов Севера // Сборник Музея антропологии и этнографии. 1949. Т. XI. С. 237–254.

Генеральный план электрификации СССР: материалы Всесоюз. конф. / Госплан СССР. Орг. ком-т по составлению генерального плана электрификации СССР. Т. 8. Ч. 1: Сводный план электрификации. М., 1932. 856 с.

Горбунков А. Л. Художественный косторезный промысел на Чукотке // Советская Арктика. 1936. № 6. С. 87–93.

Иванов С. В. К вопросу об изучении народного изобразительного искусства в СССР // Сборник этнографических материалов. Л., 1927. № 2. С. 53–70.

Резолюции Всесоюзной конференции по составлению генерального плана электрификации СССР. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1932. 112 с.

Резолюция майского совещания по составлению генплана электрификации СССР/Госплан СССР, Оргкомитет по составлению генерального плана электрификации СССР. М.: Экономическая жизнь, 1931. 32 с.

Рытхэу Ю. С. Дорожный лексикон. СПб.: Звезда, 2010. 516 с.

Тропую Богораза. Научные и литературные материалы / сост. и ред. Л. С. Богословская, В. С. Кривошеков, И. И. Крупник. М.: Инс-т наследия — ГЕОС, 2008. 352 с.

Хаховская Л. Н. Шаманы и советская власть на Чукотке // Вопросы истории. 2013. № 4. С. 113–128.

Хаховская Л. Н. Чаунская культурная база: советский проект и его реализация // Диалог со временем. 2018. № 63. С. 300–313.

Ярзуткина А. А. Разъездная торговля русских купцов крайнего северо-востока России: этноисторический взгляд // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 406. С. 182–193.

Bogoras W. The Chukchee. The Jesup North Pacific Expedition. Vol. VII. New York, 1904.

Bogoras W. The Eskimo of Siberia. The Jesup North Pacific Expedition. Vol. VIII, pt. 3. Leiden; New York, 1913.

Krupnik I., Chlenov M. Yupik Transitions. Change and Survival at Bering Strait: 1900–1960. Fairbanks: University of Alaska Press, 2013.

Pälsi S. Arktisia kuvia: alkeellisia taideteoksia koillisesta Siperiasta. Helsinki: Otava Publ., 1983.

Pälsi S. Pohjankävijän päiväkirjasta: Matkakuvauksia Beringiltä, Anadyriltä ja Kamtshatkasta. Helsinki: Otava Publ., 1919.

REFERENCES

Antropova V. V. [Contemporary walrus ivory carving art of Chukchi and Asiatic Eskimo (Yupik)]. *Sbornik MAE*, 1953, vol. XV, pp. 5–122. (In Russian).

Bogoras W. The Chukchee. The Jesup North Pacific Expedition 7. *Memoirs of the American Museum of Natural History*. New York: G. E. Stechert & Co, 1904, pt. 1, pp. 1–276. (In English).

Bogoras W. G. [Games of Northern Minorities]. *Sbornik MAE*, 1949, vol. 11, pp. 237–254. (In Russian).

Gorbunkov A. L. [Walrus Ivory Carving in Chukotka]. *Sovetskaia Arktika* [Soviet Arctic], 1936, no. 6, pp. 87–93. (In Russian)

Ivanov S. V. [On the studying of folk art in the USSR]. *Sbornik etnograficheskikh materialov* [Compendium of Ethnographic Materials]. Leningrad, 1927, no. 2, pp. 53–70. (In Russian).

Khakhovskaia L. [Chaun cultural base: the soviet project and its implementation]. *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], 2018, no. 63, pp. 300–313. (In Russian).

Khakhovskaia L. [Shamans and Soviet administration in Chukotka]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2013, no. 4, pp. 113–128. (In Russian).

Krupnik I., Chlenov M. *Yupik Transitions: Change and Survival at Bering Strait: 1900–1960*. Fairbanks: University of Alaska Press, 2013. (In English).

Pälsi S. *Arktisia kuvia: alkeellisia taideteoksia koillisesta Siperiasta*. Helsinki: Otava Publ., 1983. (In Finnish).

Yarzutkina A. A. [The mobile trade of Russian merchants in the extreme Northeast of Russia: an ethnohistorical view]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2016, no. 406, pp. 182–193. (In Russian).

Submitted: 09.06.2023

Accepted: 12.12.2023

Article published: 01.07.2024